

ЛЕГКОМЫСЛІЕ МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА.

ДЕРЕВЕНСКІЯ СЦЕНЫ.

В. П. Зотова.

Мѣсто передъ помѣщичьимъ домомъ, расчищенное для разведенія на немъ сада: нѣсколько кустовъ сирени и акацій, нѣсколько деревьевъ, подпертыхъ кольями, окопанныхъ землею; мѣстами вспаханныя клумбы. Въ сторонѣ фасадъ барскаго дома съ огромною террасою, выходящею впередъ; съ террасы спускается лѣстница, уставленная георгинами и тюльпанами; внизу у террасы зеленая скамейка.

СТЕПАНЪ сидитъ на крыльцѣ террасы и наигрываетъ на гитарѣ, поглядывая на окно нижняго этажа. **МАША** выходитъ на террасу съ лейкой. При входѣ ея **СТЕПАНЪ** отворачивается, будто незамѣчая ея, и поетъ;

СТЕПАНЪ.

Жду тебя я, не дожуся,
Разлюбезная моя,
Сокрушаюсь и мятуся,
Въ сердцѣ скорбь души тая...

МАША Здравствуйте! Степанъ Григорычъ, что это такое вы распѣваете?

СТЕПАНЪ (*вставая и раскланиваясь*). Наше почтеніе—съ, Марья Васильевна! А мы васъ и не замѣтили! Какъ вы въ вашемъ здоровьи себя чувствуете?

МАША. Ничего—съ! Благодарствуйте! Что намъ дѣлается?

СТЕПАНЪ. О, вамъ много можетъ дѣлаться—съ, Марья Васильевна! Препровождая ваше время въ разныхъ трудностяхъ и работахъ по-дому, вы утруждаете ваши ручки и личико, хоть-бы теперь: ни свѣтъ, ни заря собрались цвѣты поливать.... Цвѣтъ въ лицѣ можете потратить—съ!...

МАША. Ну ужъ вы, Степанъ Григорычъ, вѣрно съ вашими питерскими комплиментами. Даже слушать васъ стыдно, хоть и не все въ толкъ возьмешь.

СТЕПАНЪ (*любезничая*). Помилуйте, отъ чегоже—съ?... И у насъ въ Питербургѣ объясненіе такое-же производится, какъ и въ деревнѣ—съ! Оно это вамъ такъ только съ непривычки образованнымъ кажется, а въ самомъ дѣлѣ — слова все такія-же, русскія, только немножко, знаете, по великанію и по субтильнѣе.

МАША. Ну, да; у васъ все тамъ на тонкостяхъ выѣзжаютъ. Со всякимъ человѣкомъ вы ровно манеры. Не узнаешь, къ кому у васъ лежитъ сердце, а къ кому нѣтъ.

СТЕПАНЪ. Какъ не узнаешь, Марья Васильевна, очень узнаешь! Оно такъ сказать само собой показываетъ. Съ тѣмъ, кто нравится, по другому изъясняешься. Хоть-бы примѣромъ объ насъ рѣчь повести, развѣ мы обнаковеннымъ способомъ съ вами обходимся?...

МАША. Подите пожалуста! васъ слушать такъ ахти-миѣ!... Скажите—ка лучше, что вы тутъ пѣли, какъ я вошла?

СТЕПАНЪ. Одинъ питербургскій романць: Очень хорошая штука.... меня выучилъ ей камердинеръ одного князя. Мы съ бариномъ въ Питербургѣ съ разными князьями были знакомы—съ.

МАША. Ну вотъ, хоть ваши питерскія пѣсни—на что онѣ похожи: ни складу, ни ладу, ахинея просто, какая-то Этою пѣсню, что вы теперь пѣли, вы миѣ даже всѣ уши прожужжали, а смыслъ-то какой въ ней? «Жду, не дожлуса, сокрушаюсь, да мятуся». Ужъ коли на этотъ ладъ пѣть хотите, такъ у насъ есть русская пѣсня, не хуже этой и тоже самое говорится въ ней, только яснѣй и проще. (*Поетъ*).

Жду красотку я мою,
И ей пѣсенку пою,
Ахъ душа моя, душа,
Приди къ молодцу скорѣй.

СТЕПАНЪ. Съ вашимъ пѣньемъ всякая пѣсня нѣжной покажется; по романцы, доложу вамъ, больше чувствованія имѣютъ. Они знаете тово.... какъ-то, все ужъ не то будетъ.

МАША. А ну-ко спойте мнѣ какую-нибудь романцу, пока я цвѣты полью, а то съ вами говоря и дѣла нельзя дѣлать.

СТЕПАНЪ. Съ нашимъ удовольствіемъ. (*Становится въ позу и брялчитъ на гитаръ мотивъ аллегро*).

Стоитъ желтый домъ,
Сидитъ дѣвка въ немъ,
Умомъ разумомъ не дура,
Откровенная натура,
Распрекрасная фигура,
Больно хороша!

МАША. Пѣтъ ужъ эту я слышала, нельзя-ли другую.

СТЕПАНЪ. Есть и другіе, стало-бы охоты слушать. (*Поетъ адажіо*).

Ты погибель мою строя,
Тѣмъ доволенъ-ли тиранъ,
Что лишилъ меня покоя,
Супротивенъ твой обманъ!....

МАША. Ахъ это что-то словно похоронное!... За душу тянетъ! Нѣтъ-ли чего повеселѣе?

СТЕПАНЪ (*обидясь*). Это самые лучшіе романцы. Печальное-то оно и помоднѣе гораздо! Веселыя пѣсни у васъ поютъ мужики по деревнѣ; въ Питербургѣ не приводилось мнѣ камаринской слышать.

МАША. Вотъ ужъ вамъ и нелюба моя правда. Какіе-же вы.... Что-же мнѣ, развѣ хвалить пѣсню, коли она не по праву пришла. Сядемте-ка лучше, да поговоримте о дѣлѣ какомъ-нибудь... Вы мнѣ вчера, проходя черезъ дѣвичью, сказали, что вамъ мнѣ еще что-то тамъ сказать нужно.

СТЕПАНЪ (*сидясь подлѣ нея на ступенькѣ*). Да-съ, и очень нужно!... Впрочемъ, вы вѣрно и сами знаете, чего мнѣ нужно! Если-бы вы дали мнѣ пропѣть романць, то узнали-бы какъ тамъ дальше говорится (*декламируя*).

Дайте ручку вашу праву
Приложить къ груди моей;
Серца чувствовалъ отраву,
Излечуся я отъ ней!...

(*Беретъ ея руку и прикладываетъ къ сердцу*).

МАША (*отдергивая руку*). Полно-те, Степанъ Григорьичъ!... Я право—слово разсержусь!... Что это вы за повадку вляли? Слѣдъ ли вамъ такъ со мной обходиться. Можетъ-быть это у васъ въ Питерѣ ни почемъ, а у пасъ въ деревнѣ дѣлать такъ не приходится.

СТЕПАНЪ. Какія вы чудныя, Марья Васильевна! Къ вамъ ужъ и дотронуться нельзя, но развѣ вы не знаете, что чувствамъ своимъ повелѣвать невозможно. Вы давно могли видѣть, какъ я къ вамъ страстенъ. Истинно говорю вамъ, — огнемъ сгараю, и давно ужъ хотѣлъ вамъ во всей подробности изъясниться съ вами.

МАША. Какъ ни хитро вы говорите, но я поняла въ чемъ дѣло, и скажу вамъ просто, безъ вычуръ, по деревенскому: я не прочь пойти за васъ за-мужъ, если матушка моя дастъ на это свое благословеніе; вы знаете, гдѣ она живетъ, и теперь узнавши, что я объ васъ думаю, вы должны ужъ съ ней переговорить, а миѣ слушать ваши любовныя рѣчи не годится. (*Встаетъ*).

СТЕПАНЪ (*вставая, сконфуженный*). Оно конечно тово въ разсужденіи то-есть свадьбы! матушка ваша обыкновенно и вы тоже ... тамъ все, какъ слѣдуетъ!... Фу, какая жарынь! (*Перебираетъ струны гитары*).

МАША. Вотъ оно что? Суди васъ Богъ, Степанъ Григорьичъ! Не хорошій вы человекъ; сгубилъ васъ этотъ Питеръ, да и меня-то вы чуть не сгубили горемычную! Богъ съ вами! (*Закрываетъ глаза передникомъ и идетъ на терассу*).

СТЕПАНЪ (*вслѣдъ за ней*). Марья Васильевна! не извольте огорчаться. Это я вѣдь только такъ-съ! Я ничего! Вразумительно сказать, вы не такъ вслушались!... клянусь вамъ!...

II.

АКСАМИТИНЪ (*въ охотничьихъ сапогахъ и картузѣ, съ ружьемъ, сходитъ съ терассы*).

АКСАМИТИНЪ. Что это? Маша? откуда ты? Что у тебя глаза заплаканы?

МАША. Ничего-съ, батюшка, баринъ! Это оттого, что долго на солнцѣ цвѣты поливала.

АКСАМИТИНЪ. А, вотъ оно что, и Степанъ здѣсь. Цвѣты поливала! Смотри, чтобы отъ этого не вышло чего-нибудь

МАША. То-есть, какъ-съ, Иванъ Петровичъ?

АКСАМИТИНЪ. Какъ? Мнѣ что-ли тебѣ объяснять это? Убирайся по добру по здорову, въ комнаты, да не вставай другой разъ до пѣтуховъ цвѣты поливать, понимаешь?

МАША (плача). Понимаю! Иванъ Петровичъ!... Божусь вамъ, что это случилось въ первый и послѣдній разъ.

АКСАМИТИНЪ. Ну, ну, ступай! хорошо что еще въ первый, я тебѣ вѣрю. (*Маша уходитъ*). Ты, олухъ, что тутъ вздумалъ за крестьянскими дѣвками увиваться?... Это, братъ, тебѣ не петербургскія—зайдешь далеко, такъ отпотчуютъ такъ, что долго не забудешь.

СТЕПАНЪ. Пѣть-съ! это я ничего-съ, Иванъ Петровичъ, это только такъ съ.... Въ разсужденіи образованіи разговорами занимались!

АКСАМИТИНЪ. Въ разсужденіи образованія!... Ахъ ты образина!... Туда-же въ просвѣтители лезеть! Чтò ты тамъ еще за синну прячешь?... Гитара!... Скажите, пожалуста, какой виртуозъ?... Да что ты играть на гитарѣ умѣешь что-ли?...

СТЕПАНЪ. Умѣю-съ, Иванъ Петровичъ.

АКСАМИТИНЪ. Умѣешь? да кто-жь тебя училъ?

СТЕПАНЪ. Никто-съ! Въ Питербургѣ изъ знакомаго лакейства многіе отлично играли, такъ глядя на ихъ, и самъ пзвострился. Дѣло къ тому-жь не мудреное-съ! То по всѣмъ стрункамъ, то по одной пальцами перебираешь! Та-же балалайка, только питербургская.

АКСАМИТИНЪ (хохочетъ). Балалайка!... Ахъ ты, Орфей прихихи. И этимъ-то ты плѣняешь деревенскихъ нимфъ?... Чучело!... игралъ бы ты себѣ на варганѣ!... Это-бы хоть уши не драло. А то, одѣваясь сейчасъ, я все прислушивался и не могъ понять, кто это скребетъ гитару; думалъ, не кошка-ли вздумала играть на ней.

СТЕПАНЪ. Шутить изволите, Иванъ Петровичъ! Моей игрой здѣшнія дѣвушки не нахвалятся, на варганѣ играть не такъ сподручно: изъясняться нельзя словесно.

АКСАМИТИНЪ. А тебѣ еще изъясняться нужно, дворовый Ловеласъ. Смотри, чтобы я тебя не заставалъ впередъ, во время твоихъ изъясненій. Выбери для этого другое мѣсто, а не передъ моими окнами. Въ особенности, чтобы я не слыхалъ твоихъ глупыхъ пѣсенъ. Ни въ одной

реторикѣ не встрѣчалъ я отдѣла лакейскихъ пѣсенъ, а онѣ стоятъ того, чтобы ихъ изслѣдовали. Чоръ знаетъ, кто ихъ сочиняетъ. Ну, что ты слушаешь, пошелъ въ комнаты, и коли Орелинъ встанетъ и позвонитъ, такъ ты подай ему все, что онъ спроситъ, а обо мнѣ скажи, что я вернусь черезъ часъ. Только на болото схожу куликовъ пострѣлять. Теперь для этого самое лучшее время. Да смотри, не будить его, коли самъ не встанетъ; онъ еще не привыкъ къ деревенской жизни, встаетъ и ложится, какъ въ Петербургѣ.

СТЕПАНЪ. Слушаюсь! Впрочемъ, вы сами, Иванъ Петровичъ, раненько поднялись сегодня. Еще мужики къ вамъ на работу не собрались.

АКСАМИТИНЪ. Ну, на работу встаетъ позже, чѣмъ на удовольствіе! Когда придутъ, такъ скажи Адаму Семенычу, чтобы присмотрѣлъ за ними. Пора мнѣ, наконецъ, развести этотъ садъ. Что, въ-самомъ-дѣлѣ, никакой тѣни нѣтъ передъ домомъ? Иди! *(уходитъ.)*

III.

ЕРЕМЪЙ, СИДОРЪ, КОНДРАТІЙ, и другіе крестьяне и крестьянки выходятъ съ лопатами и граблями со стороны, противоположной той, куда ушелъ **АКСАМИТИНЪ.**

ЕРЕМЪЙ. Накось! Куда это барина съ позаранку понесло? Что ему, сердечному, не спится, что-ли?

СИДОРЪ. Онъ съ ружьемъ, да въ саженныхъ сапожищахъ. Эвто значить, на охоту пошелъ.

ЕРЕМЪЙ. Невидаль-же, прости Господи, этимъ барамъ по болотамъ таскаться; застрѣлить всего-на-все какую тамъ ни-на-есть ледящую птаху, что и гроша не стоитъ, а сапоговъ на рубль износить, да еще умается, день деньской ходючи.

СИДОРЪ. И добро-бы не кому было за нихъ стрѣлять, а то созови ребятъ изъ деревни и вели имъ за себя охотиться; наташутъ птицъ видимо не видимо, а ты только сиди дома, да принимай ихъ.

ЕРЕМЪЙ. Эхъ! будь я баринъ, ни зачто-бы не всталъ въ раннюю пору, и еще не за дѣломъ, а за бездѣльемъ.

СИДОРЪ. На то ты и Ерема, чтобъ сидѣть дома; не слыхалъ ты развѣ, что охота иуще nevoли?

ЕРЕМЪЙ. Эхъ, братъ, не всякому слову вѣрь! Иная поговорка не

при насъ, вишь ты, была сложена, а мы ее, быть можетъ, и не такъ-бы сложили.

КОНДРАТІЙ. Да полно вамъ растабарывать-то! Когда-жъ работать приметесь?

ЕРЕМЪЙ. Подико-ты! Чтò, убѣжить она, что-ли, работа эвта? Поспѣеть!

СИДОРЪ. Да и какая это работа... Середь чистаго мѣста кусты да березы сажать. Диво-бы лѣсу не было, а то за рѣкой боръ глазами не окинешь, любуйся себѣ на пни, да на кочки, коли охота есть! Такъ нѣтъ: что-бы къ лѣсу подвипуться, давай лѣсъ къ себѣ подвигать.

ЕРЕМЪЙ. Скажу вамъ я, что это и не доброе дѣло: гдѣ споконь-вѣка указано полю быть, пусть оно тамъ и будетъ; гдѣ лѣсъ — пусть лѣсъ останется. А Божье творенье, вишь ты, по своему передѣлывать не годится.

КОНДРАТІЙ. Ахъ ты, голова съ мозгомъ! Такъ по твоему, какъ ты дурнемъ уродился, такъ тебя и оставить нужно и не учить уму-разуму?

ЕРЕМЪЙ. И не учить! Вѣстимо не нужно! Коли не тянётъ самого человека въ науку, оставь его... Самъ пойдетъ, коли нужно будетъ, а нейдетъ — значитъ, не нужно.

КОНДРАТІЙ. Ну, а на чтожъ ты самъ хлѣбъ жнешь и молотишь? Гдѣ выросила его земля — тутъ и оставь!... Коли будетъ нужно самъ онъ къ тебѣ въ печь полезетъ; а не лезетъ — значитъ не нужно!... *(Крестьяне хохочутъ).*

ЕРЕМЪЙ. Чтò вы, дурни, зубы-то скалите? Ничего не понимаете, а туда-же смѣтесь, о чемъ промежъ умныхъ головъ толкъ идетъ.... Дядя Кондратій вовсе не про васъ и рѣчь велъ... Работайте, слышь!... Вѣдь экой лѣнивый народъ, подумаешь — глазъютъ себѣ, словно не пхъ дѣло дороги прочищать.

ПЕТРУШКА. Да ты самъ-то чтожъ, дядя Еремѣй, ничего не дѣлаешь?

ЕРЕМЪЙ. Ничего не дѣлаю? Ты что суешься, куда тебя не спрашиваютъ? Я, вишь ты, думаю, какъ бы мнѣ лучше сработать. *(Беретъ лѣниво лопату и, опершись на нее руками, кладетъ на нихъ подбородокъ; крестьяне начинаютъ расчищать мѣсто и сажать деревья.)*

СИДОРЪ. Да что-то и дѣвки наши больно лѣниво траву съ грядокъ полютъ. И видно, что Надя съ ними нѣтъ: не такъ-бы работа спорилась.

ЕРЕМЪЙ. И впрямъ, что ее не видать до-сихъ-поръ?

ПЕТРУШКА. Я, дядюшка, видѣлъ ее, какъ мы сюда шли; она отъ дома отца Ивана повернула къ погосту.

КОНДРАТІЙ. Вѣрно пошла по могилкамъ бродить; это съ ней часто случается. Оттолѣ вѣрно и сюда завернетъ.

СИДОРЪ. Да скажи, пожалуйста, дядя Кондратій, я ужъ давно хотѣлъ поспросить тебя: отколѣ взялась у насъ въ деревнѣ эта Надя? Кажись, ты привелъ ее къ нашему священнику?

КОНДРАТІЙ. Я—то, я; а откуда взялась она — этого я и самъ не знаю. Это было, вишь, лѣтъ десятокъ тому назадъ, коли не больше; чай, съ хвостикомъ будетъ. Въ тотъ самый годъ, какъ въ хлѣву у Антипыча волкъ по-ночи корову зарѣзалъ.

ЕРЕМЪЙ (важно). Ну, этому годовъ двѣнадцать будетъ.

КОНДРАТІЙ. Ну, двѣнадцать, такъ двѣнадцать! Ты, впрочемъ, этотъ годъ лучше меня помнить долженъ. Тогда—же нашли тебя подъ плетнемъ сосѣда Савелья, около Петровокъ, всего изломаннаго. Ты еще увѣрялъ, что это на тебѣ до разсвѣта вѣдьма ѣздила, а сосѣдъ Савелій послѣ признался, что это онъ тебя отподчивалъ за то, что ты подъ хмѣльную руку вздумалъ за его Маланьей ухаживать.

ЕРЕМЪЙ. Эка память—то у мужика, прости Господи! Вретъ Савелій, ну право вретъ. Большая пѣвицаль, Малащя его!... Да на меня всякая дѣвка зазритя, стоитъ только мнѣ поразвернуться.

СИДОРЪ. Да, ну ты, овсяная каша! Полно тебѣ лясы точить. Такъ какъ—же это было, дядя Кондратій?

КОНДРАТІЙ. А вотъ какъ: въ самый великій пятокъ, подъ вечеръ постучался кто—то ко мнѣ въ волоковое окно и сталъ просить подъ воротами, чтобъ пустили обогрѣться. Мы и впустили въ избу; вошла дѣвка блѣдная, худая, еле живая; на ногахъ не стоитъ, такъ и валится. Мы дали ей вздохнуть, накормили, отогрѣли. Разсказала она намъ, что шла изъ сосѣдней деревни, верстъ за двадцать, въ непогоду и распутицу, умаилась, и кабы не завидѣла нашу деревню, пришлось—бы хоть умирать середь чистаго поля. Спрашиваемъ мы ее, откуда она идетъ? — не знаетъ! Куда? — не знаетъ! Кто она такая? — Надя, да и только! Чудно показалось намъ это! Сколько мы не разспрашивали ее — ничего не добились. Заночевала она у насъ; подъ утро въ дорогу сбивается. Куда—же ты пойдешь? — Не знаю! — Зачѣмъ? — Не знаю! — Смекнулъ я, что дѣло не ладно. Попросилъ пообождать дѣвку, да къ отцу Ивану. Не задумывался батька и пошелъ со мною: самъ хотѣлъ

посмотрѣть, что за притча такая. Говорилъ онъ съ ней долго; мы съ бабой вышли на ту пору по двору прибирать. Слышимъ, зоветь насъ отецъ Иванъ черезъ часъ времени и говоритъ мнѣ тихо, пока дѣвка въ дорогу собиралась: «Она полуумная, сирѣчь юродивая, а находитъ это на нее только, когда ее станешь о прежней жизни разспрашивать. У тебя ей оставаться нельзя, а возьму ее къ себѣ я самъ, и дамъ о томъ знать, куда слѣдуетъ». — Ну, вотъ, съ-тѣхъ-поръ она и живетъ все у отца Ивана. Понадѣя наша такая добрая, какъ родную дочь ее держитъ, а она зато ей по хозяйству помогаетъ, да дѣтей нянчить.

СИДОРЪ. И съ той поры никто не справлялся объ ней?

КОНДРАТІЙ. Никто; видно она круглая сирота, и во всей нашей губерніи никто не зналъ объ ней ничего; должно быть пришла изъ далече. Посылали узнавать объ ней по начальству, да тоже ничего не узнали. Смотрѣли ее лекаря разные, ничѣмъ не помогли. Пока толкуешь съ ней о томъ, что теперь около нея дѣлается, говоритъ разумно; спросилъ о прошломъ — пошла писать. Иной разъ сама силится припомнить, да что-то ей мѣшаетъ, заплачетъ слезно, а послѣ опять захохочетъ. Одно только узнали мы, когда мальчишки по деревнѣ стали ее дурочкой звать. Первый разъ, какъ она услышала это — сильно разсердилась; плакать стала, жаловаться и сказала, что она не дурочка, а управительская дочка.

СИДОРЪ. Управительская дочка? Что-же это такое?

БРЕМЪЙ. Что такое? вѣстимо что! управительская дочка значить, что она дочь управителя.

СИДОРЪ. Вотъ голова! Все растолкуетъ. Съ нимъ и книгъ не надо. Ума палата.

ПЕТРУШКА. Дядюшка, а дядюшка!.. Вона и сама Надя идетъ; съ ней наши мальчишки и дѣвчонки, никакъ опять ее дразнить.

КОНДРАТІЙ. Вишь пострѣлята, сколько разъ запрещалъ я имъ это. Постои-же, надеру имъ вихры, будутъ помнить.

IV.

НАДЯ, за ней бѣгутъ мальчишки и дѣвчонки.

МАЛЬЧИШКИ. Уу!.. Дурочка!.. уу!.. полуумная! (*дергаютъ ее за платье*).

НАДЯ. Отстаньте отъ меня!.. Злые!.. Не стыдно—ли вамъ? Что я вамъ сдѣлала?.. За что вы браните меня? Какая я дурочка! Я управительская дочка.

ВАНЬКА. Неправда, ты дурочка изъ переулочка! ха! ха! ха! ха! уу! что взяла (*дразнитъ ее*).

НАДЯ. Добрые люди! Заступитесь за меня!.. Уговорите ихъ, чтобъ они меня не бранили! Право я не виновата, а отъ ихъ словъ мнѣ тутъ такъ тяжело дѣлается (*сжимаетъ рукой сердце*), плакать хочется. Отгоните ихъ, добрые люди!.. я устала!.. Отъ самой деревни они все гнались за мной, безжалостные! (*опускается на землю и плачетъ*).

КОНДРАТІЙ (*поймавъ Ваньку за ухо*). А вотъ я тебя, разбойникъ, зажига ты этакой! я тебѣ покажу сироту обижать! Эхъ, жаль березы нѣтъ близко!.. Выпороль—бы я тебя, какъ Сидорову козу!.. Да постой, я тебя кушакомъ ... (*развязываетъ кушакъ отъ рубашки*). Да и всѣмъ этимъ эгозамъ достанется!

ВАНЬКА (*вырываясь*). Дядюшка! голубчикъ! не буду, ей Богу не буду, пусти только! увидишь!..

КОНДРАТІЙ. Пошелъ—же!.. да смотри у меня держи ухо остро! другой разъ не попадайся.

ВАНЬКА (*отбѣгаетъ далеко отъ Кондратія*). А дурочка—же! дура неписанная!.. у! что взялъ, не поймаешь (*убѣгаетъ*).

КОНДРАТІЙ (*бросаясь за нимъ*). Ахъ, ты мошенникъ! вотъ я—жъ тебя!.. Вонъ отсюда, пострѣлята! (*замахивается кушакомъ, мальчишки съ крикомъ разбѣгаются*).

НАДЯ. . Опять!.. ахъ ты Господи Боже мой!.. Да за что—же это все?.. Какое зло я имъ сдѣлала, кого я обидѣла!.. И какъ горько, больно слышать мнѣ это ужасное слово!.. право, можно въ самомъ дѣлѣ съ ума сойти, слушая его. Богъ имъ судья! (*отираетъ слезы*).

КОНДРАТІЙ. Ты не смотри на нихъ, Надя! Ребята глупы, балуютъ! Такая ужъ у нихъ повадка. Изъ насъ тебя вѣдь никогда никто не обижалъ.

НАДЯ. Нѣтъ, нѣтъ! никто! вы люди хорошіе! Вы знаете, что нельзя сироту называть дурочкой за то, что она многого не знаетъ и не на всѣ вопросы отвѣчаетъ. Это оттого, что ее мало учили. Зато по хозяйству—ли что сдѣлать, прясть, ткать, стряпать, въ полѣ работать — видѣли—ли вы когда-нибудь, чтобы Надя лѣнилась или худо свое дѣло исполняла?

КОНДРАТІЙ. Нѣтъ, не приводилось! Ты на всѣ руки искусница. Исполать тебѣ!

НАДЯ. Ну да, я люблю сама работать и вотъ только думать не могу! На это Богъ мнѣ не далъ умѣнья. Ничего нейдетъ въ голову. Чуть только начну о чемъ-нибудь думать, все такимъ туманомъ и подернется; да и о чемъ думать, не правда—ли, добрые люди? Богъ за насъ всѣхъ думаетъ, — а мы должны только дѣлать, что онъ намъ указываетъ.

ЕРЕМѢЙ. Вотъ это сущая правда! Это я имъ тоже всякій разъ твержу, что умникъ да разумникъ не за свое дѣло берутся. И кто такія умныя рѣчи говорить, не можетъ быть дурочкой!.. Только вотъ странно тоже, что ты всѣхъ увѣряешь, будто ты управительская дочка. Какого—же ты такого управителя дочь?

НАДЯ (*мѣшаясь въ словахъ*). Какого?.. да?.. Онъ былъ хорошій управитель!.. Честный, добрый человекъ... Всѣ его любили... И онъ любилъ его!.. Нѣтъ, онъ его обманывалъ!.. погубить хотѣлъ и погубилъ.. И отецъ умеръ и дочь, умерла. Господи, Господи!.. Зачѣмъ ты наказалъ его!.. Она виновата, а не онъ... Ее накажи... Мало наказалъ!.. Еще!.. Тамъ легче будетъ!.. Будетъ—ли? Страшно, боюсь! (*закрываетъ лицо руками и опускается на землю*).

КОНДРАТІЙ. Ты, Еремѣй, вѣчно доведешь ее до того, что она станетъ заговариваться. Нѣтъ, чтобы помолчать!.. Такъ съ-дуру и вавакнетъ!

ЕРЕМѢЙ. Что, съ-дуру?.. Я ей умное слово сказалъ!.. Вольно—жь ей было занести околесницу!.. Это ужъ такъ на нее само нашло!.. Часъ такой пришелъ.

КОНДРАТІЙ. А кабы ты молчалъ, такъ часу—то этого не было—бы.

ЕРЕМѢЙ. Молчалъ! вишь ты! съ вами все молчи!.. И впрямь, что съ олухами толковать! Пойду работать (*уходитъ*).

КОНДРАТИЙ (*крестьянкамъ*). Ей, вы тамъ! подите къ ней! Развеселите ее, а то она до-завтра въ себя не придетъ.

МАРФА (*подходя къ ней*). Надя!.. голубушка!.. Полно кручиниться. Встань!.. Посиди на скамеечкѣ!.. Тамъ тебѣ лучше будетъ, чѣмъ на сырой землѣ. (*Надя машинально встаетъ и поддерживаемая крестьянками, садится на скамью; онѣ окружаютъ ее*).

ВАСИЛИСА. Вотъ Маша идетъ, ты любишь ее! поговори съ ней!..

V.

МАША сходить съ террасы: крестьяне работаютъ въ глубинѣ.

НАДЯ. Маша!.. (*осматривается*), что это вы, мплыя мои, окружили меня? Что со мной было!.. Не помню!.. Какъ я пришла сюда?.. Что вы тутъ дѣлаете?..

МАРФА. Садъ разводимъ, да убираемъ! И ты тоже намъ помогала.

НАДЯ. Ахъ, я было и забыла (*увидя Машу*). Маша!.. здравствуй Маша!.. давно я не видала тебя! Что ты такая скучная?..

МАША (*цѣлуя ее*). Такъ, Надя!.. не здоровится что-то!

НАДЯ. Не здоровится!.. Что-же ты мнѣ не сказала? Ты знаешь, я немножко и лечить умѣю. Добрый отецъ Иванъ научилъ меня! Сядь здѣсь, подлѣ меня, и расскажи мнѣ, что у тебя болитъ.

МАША. Отъ моей болѣзни у тебя нѣтъ лекарства.

НАДЯ. Почему ты знаешь. Можетъ и найдется. Только расскажи мнѣ подробно, что ты чувствуешь?..

МАША. Чувствую я то, что не приведи Богъ никому испытать. У меня сердце ноетъ, Надя!..

НАДЯ. Сердце!.. Постой!.. Я кажется тоже когда-то испытала эту болѣзнь! Какъ-же оно болитъ у тебя?

МАША. Да такъ, что и сказать нельзя!

НАДЯ. Но отчего-же?..

МАША. Отчего!.. Видишь-ли, Надя!.. Мнѣ не стыдно признаться въ этомъ!.. Я передъ всѣми нашими дѣвушками скажу, чтобы примѣръ

мой и имъ въ пользу послужилъ, чтобы не вѣрили они ласковымъ словамъ молодыхъ парней ...

НАДЯ (*дрожа и съ удвоеннымъ вниманіемъ*). Ласковымъ словамъ, говоришь ты?.. Ты тоже повѣрила имъ?..

МАША. Да! я вѣрила имъ, но впору открыла глаза ... Любилъ меня ... или мнѣ казалось только, что любилъ меня злой обманщикъ!.. Долго онъ увивался за мною, услуживалъ мнѣ, увѣрялъ, что безъ меня ему свѣтъ не милъ, называлъ меня своей жизнью и радостью, а потомъ ...

НАДЯ (*вскакивал*). А потомъ ... измѣнилъ, обманулъ ... погубилъ тебя!.. Не правда-ли?.. Ха! ха! ха! Знаю я эту сказку, старая сказка! Хочешь, я доскажу ее тебѣ!.. Видишь-ли ты: она была бѣдная, но честная дѣвушка!.. И онъ могъ жениться на ней, онъ увѣрялъ, что женится!.. Хорошо еще, что она не поддавалась ласковымъ рѣчамъ ... потомъ ... О, бѣдная голова моя!.. Какъ тяжело мнѣ!.. Что-жъ было потомъ?.. Кажется обманъ все-таки убилъ ее. Старый отецъ!.. Темная ночь!.. большой гробъ!.. А слезъ-то, слезъ! Господи! Какъ это можетъ человѣкъ столько слезъ выплакать ... Потомъ слезы изсохли! за то камнемъ легли они на-сердцѣ!.. О! пустите!.. Они душатъ, давятъ меня!.. Нѣтъ! не могу я досказать вамъ этой сказки! (*убѣгаетъ*).

МАРФА. Что съ ней? пойдете за нею, чтобы въ забвеньи ей чего не попритчилось (*крестьянки и Маша уходятъ за Падей*).

СИДОРЪ (*подошедшій съ Кондратьемъ еще въ началъ монолога Нади*). Что ни говори, дядя Кондратій, а Надя-то приключается немочь отъ любовной зазнобы!

КОНДРАТІЙ. Да почитай что такъ! Начала она кажись и складно рассказывать, да свернула опять на старое.

VI.

ОРЕЛИНЪ и ЦВЕРЪ выходятъ изъ дому.

ЦВЕРЪ. Стенанъ говорилъ, что Иванъ Петровичъ скоро будутъ!

ОРЕЛИНЪ. Хорошо, я посижу здѣсь на скамейкѣ.

ЦВЕРЪ. Прикажете подать вамъ чаю?

ОРЕЛИНЪ. Нѣтъ! я съ большимъ удовольствіемъ выпью стаканъ молока.

ЦВЕРЪ. Какъ угодно (*обращаясь въ комнаты*). Эй! Кто тамъ! молока Петру Васильевичу.

ОРЕЛИНЪ (*сходитъ внизъ, мужики снимаютъ шапки*). Здравствуйте, друзья!.. Чѣмъ вы здѣсь занимаетесь?..

КОНДРАТІЙ. Садъ разводимъ, батюшка-баринъ!

ЦВЕРЪ. Иванъ Петровичъ нашли, что передъ окнами ихъ дома не хорошъ видъ на простое поле и вздумали развести тутъ англійскій садъ.

ОРЕЛИНЪ. Проказникъ этотъ Аксамитинъ!.. Отъ бездѣлья не знаетъ, что выдумать (*садится на скамейку*).

ЦВЕРЪ. Ступайте, любезные. По ту сторону дома вамъ надо еще выкопать глубокой ровъ. Съ этой стороны работу надо оставить, до привоза фруктовыхъ деревьевъ (*крестьяне расходятся; слуга выноситъ изъ дому молоко*). Подай сюда заодно и маленькій столикъ съ терассы. (*Слуга ставитъ на столикъ кружку и стаканъ съ молокомъ, приноситъ столъ къ скамейкѣ и уходитъ*). Вы, если я не ошибаюсь, еще въ первый разъ въ деревнѣ Ивана Петровича?

ОРЕЛИНЪ. Да, я долго былъ за границей, потомъ все время жилъ въ Петербургѣ. Аксамитинъ, съ которымъ мы старые товарищи по учебному заведенію, года четыре съ-ряду звалъ меня погостить къ себѣ на лѣто въ деревню, и я тещеръ только собрался къ нему.

ЦВЕРЪ. А смѣю доложить вамъ, житье въ деревнѣ лѣтомъ сущая поэзія!.. Цвѣты, знаете, травки, птички, ручейки, природа разная, все это чрезвычайно какъ занимательно. Вы не изволили никогда жить въ деревнѣ?

ОРЕЛИНЪ. Нѣтъ, жилъ ... прежде! Давно, лѣтъ десять тому назадъ ... Тоже въ гостяхъ ... У меня нѣтъ деревни.

ЦВЕРЪ. Стало быть, вамъ все-таки знакома деревенская жизнь. Иванъ Петровичъ такъ полюбили ее, что вотъ ужъ три года почти-что не выѣзжаютъ отсюда. Всего, кажется, какихъ-нибудь мѣсяца на два каждый годъ. Право, сударь, поживите-ка у насъ по-дольше, такъ подъ конецъ сами не захотите уѣхать отсюда!.. А вотъ и баринъ съ охоты вернулись, и кажется кого-то подстрѣлили. Вотъ-то довольны будутъ.

VII.

ТЪ ЖЕ и **АКСАМИТИНЪ** несетъ кулика.

АКСАМИТИНЪ. А! ты ужъ всталъ, Орелинъ! Я думалъ, ты будешь спать по петербургскому! А я часа три ходилъ по болоту, и видишь-ли, какого славнаго длинноносаго и здороваго кулика подстрѣлилъ.

ОРЕЛИНЪ. Въ три часа одну птицу! удивительное удовольствіе!

АКСАМИТИНЪ. Ты, братъ, въ этомъ ровно ничего не понимаешь, позволь мнѣ сказать тебѣ. Дѣло тутъ не въ количествѣ, а въ качествѣ, въ самой охотѣ, а не въ ея трофеяхъ!.. Три часа!.. да хорошій охотникъ цѣлый день проходитъ съ ружьемъ, ничего не застрѣлитъ; за то, какъ счастливъ, веселъ, доволенъ, не чувствуетъ ни жажды, ни усталости! Подвинься-ка, я подлѣ тебя присяду. Ноги что-то ломитъ. Солнцемъ такъ припекло, что мочи нѣтъ!.. Что это ты пьешь? молоко! Самый лучшій, прохладительный напитокъ. Адамъ Семеновичъ, велителка, пожалуйста, и мнѣ принести чего-нибудь въ родѣ молока ... хотъ гроку ... Мы здѣсь съ пріятелемъ выпьемъ, да потолкуемъ.

ЦВЕРЪ. Очень хорошо, пожалуйста, ужъ за одно я отнесу ружье ваше и кулика; а что, вы его зажарить прикажете?

АКСАМИТИНЪ. Нѣтъ, зачѣмъ-же! Онъ, видите, что-то очень худъ. Боюсь, что еще можетъ быть болѣнъ чѣмъ-нибудь. Признаться вамъ, когда я спугнулъ его съ одного куста, такъ онъ едва имѣлъ силы перелетѣть на другой, въ двухъ шагахъ. Отдайте его лучше кошкѣ.

ЦВЕРЪ. Извольте-съ! Гроку сейчасъ принесутъ (*уходитъ*).

ОРЕЛИНЪ. Съ-ума ты сошелъ, Аксамитинъ! Выдумалъ съ утра ромъ пить!

АКСАМИТИНЪ. Чтожъ! это для охотниковъ здорово!

ОРЕЛИНЪ. Помилуй, да теперь жаръ невыносимый.

АКСАМИТИНЪ. Ну, въ жаръ пьешь для того, чтобы прохладиться!.. И странно! какъ выпьешь только этого животворнаго напитка, такъ силы и удваиваются и опять на охоту подмываетъ.

ОРЕЛИНЪ. Странные-же вы люди. Хороши-же ваши деревенскія удовольствія, которыми ты мнѣ расхваливалъ въ Петербургѣ.

АКСАМИТИНЪ. Ну, кромѣ этихъ есть еще другія. Вотъ, на примѣръ, послѣ охоты сытно пообѣдать и потомъ ...

ОРЕЛИНЪ. Лечь спать?..

АКСАМИТИНЪ. Ну, конечно! развѣ сонъ не удовольствіе въ жизни!..

Онъ необходимъ кому-же для пищеваренія ... За то, какъ проснешься, знаешь, этакъ въ тихій прекрасный вечеръ, когда природа такъ хороша и роскошна, бросишь эти душныя комнаты и выйдешь на лугъ ... И потомъ, на чистомъ воздухѣ, полномъ цвѣточными испареніями ... А какія здѣсь ночи, прелесть! тихія, фосфорическія, свѣчи на зеленомъ столѣ горять ровно, пламя не шелохнется. Удивительная природа!..

ОРЕЛИНЪ. Признаюсь! нечего сказать! завидная жизнь. (*Слуга между-тѣмъ приноситъ большую чашку гроку и уходитъ*).

АКСАМИТИНЪ. И конечно, завидная! Изъ чего мы бьемся и хлопочемъ всю жизнь? Чтобы достигнуть спокойствія въ старости? Отчего же не пользоваться этимъ спокойствіемъ раньше старости, если это возможно? А то многіе у насъ очень похожи на бѣлку въ баснѣ Крылова, которая трудилась и голодала весь вѣкъ, въ надеждѣ получить обѣщанный возъ орѣховъ. Орѣхи-то ей дѣйствительно пожаловали, только тогда, какъ у нея выпали всѣ зубы.

ОРЕЛИНЪ. Я вижу, что деревня сдѣлала тебя большимъ философомъ!

АКСАМИТИНЪ. Очень можетъ быть! Я здѣсь ничѣмъ не занятъ! А вѣдь и философія родилась въ головѣ тѣхъ, которымъ нечего было дѣлать. Вотъ и мы съ тобой то-же кажется теперь философствуемъ, то-есть, переливаемъ изъ пустаго въ порожнее. Выпьемъ-ка лучше по стаканчику грока. Это укрѣпитъ нашу мыслящую силу, и мы на досугѣ сочинимъ себѣ то-же какую-нибудь философскую систему.

ОРЕЛИНЪ. Благодарю! Право не хочется.

АКСАМИТИНЪ. Ну, да сдѣлай одолженіе, не упрямясь! Для меня! Въ память нашей школьной дружбы. Ну, чокнемся.

ОРЕЛИНЪ. Если тебѣ этого непременно хочется... (*пьетъ*) какъ крѣпко! почти одинъ ромъ.

АКСАМИТИНЪ. Это тебѣ такъ кажется, потому-что ты не былъ на охотѣ! Этотъ грокъ могутъ институтки пить ... право!.. Женскій напитокъ (*пьетъ*).

ОРЕЛИНЪ. Кстати: въ числѣ деревенскихъ удовольствій ты еще не говорилъ мнѣ ни слова о главномъ: о женщинахъ!.. Есть у васъ за кѣмъ здѣсь поволочиться?

АКСАМИТИНЪ. Не бойся, для тебя найдется и это развлеченіе.

ОРЕЛИНЪ. Вѣрно какія нибудь деревенскія пастушки.

АКСАМИТИНЪ. У насъ и кромѣ пастушекъ есть красавицы изъ соседокъ, дочерей помѣщиковъ!.. Да вотъ кстати, у моего управителя, котораго ты сейчасъ здѣсь видѣлъ, есть дочка, Мальхенъ! Вотъ братъ, вѣмочка, чудо просто! *Hol mich der Teufel.*

ОРЕЛИНЪ. У управителя?.. Ты говоришь, что у твоего управителя есть дочь?

АКСАМИТИНЪ. Да, чтожъ тутъ удивительнаго? Развѣ управитель не можетъ имѣть дѣтей!..

ОРЕЛИНЪ. Но я думалъ ... мнѣ казалось?..

АКСАМИТИНЪ. Ну, вотъ ты уже начинаешь, кажется, философствовать, въ словахъ путаешься!.. Кой чортъ, ужъ не влюбленъ-ли ты въ Мальхенъ. Да ты кажется и не видалъ ее ни разу, только вчера пріѣхавши ко мнѣ?..

ОРЕЛИНЪ. Какой вздоръ!.. Съ чего ты взялъ?.. Я такъ спросилъ тебя... Мнѣ показалось страннымъ...

АКСАМИТИНЪ. Послушай, Орелинъ, я давно хотѣлъ замѣтить тебѣ, что твои слова и поступки бывають иногда очень странны... Ты былъ вовсе не такой, когда мы вышли съ тобой изъ училища.

ОРЕЛИНЪ. Нашелъ чему удивляться. Въ двѣнадцать лѣтъ можно, я думаю, измѣниться!

АКСАМИТИНЪ. Въ обращеніи, но не въ характерѣ! А ты изъ веселаго, беззаботнаго ученика, сдѣлался скучнымъ, задумчивымъ, нелюдимымъ; даже пребываніе за границей не разсѣяло тебя! воротился такимъ-же медвѣдемъ. Какъ теперь помню ... эта перемѣна случилась съ тобой черезъ полгода послѣ нашего выпуска. Ты уѣхалъ въ деревню къ твоему дядѣ прежнимъ милымъ, добрымъ товарищемъ, а вернулся оттуда въ Петербургъ просто звѣремъ. Неужто тебя могла такъ измѣнить деревенская жизнь? Не оттого-ли только на пятый годъ послѣ пріѣзда изъ-за граицы, рѣшился ты наконецъ погостить у меня, хотъ я просилъ тебя объ этомъ каждый годъ.

ОРЕЛИНЪ. Я не понимаю, что ты хочешь этимъ сказать; я не люблю деревенской жизни, это правда, но это еще не доказываетъ ничего! Въ деревнѣ у моего дяди мнѣ было, напротивъ, весело, очень весело. Чтожъ ты не пьешь больше? Налей и мнѣ, да продолжай рассказывать объ удовольствіяхъ деревенской жизни. Я очень люблю деревенскую жизнь (*выпиваетъ еще стаканъ*).

АКСАМИТИНЪ. Послушай, Орелинъ! Если ужъ зашелъ разговоръ о твоёмъ характерѣ, то я выскажу тебѣ все, что у меня на душѣ. Въ училищѣ и въ свѣтѣ ты называлъ меня своимъ другомъ! Я не стану говорить тебѣ о училищныхъ клятвахъ — не имѣть другъ отъ друга тайнъ, это были юношескія клятвы, и ты, измѣнившись, могъ позабыть ихъ; не буду требовать отъ тебя ни признаній, ни откровенности. Но, для

тебя самого, для твоихъ родныхъ и знакомыхъ, прошу тебя, будь внимательнѣе къ самому себѣ. Всѣ, кто любятъ и знаютъ тебя, не могутъ не замѣтить, что ты дѣлаешься иногда на себя не похожъ. Есть у тебя мысль на душѣ, которая тебя томить и тревожить,—этого ты ни отъ кого не скроешь, потому—что ты благороденъ и чистъ въ душѣ, потому—что ты можешь впасть въ проступокъ, но не будешь имѣть столько цинизма, чтобы извинять его. На это способны одни глубоко испорченныя натуры. Старайся—же если можно, поправить свой проступокъ. Не я одинъ замѣчаю, что иногда лицо твое, вотъ какъ теперь, носить на себѣ такой отпечатокъ страха и отчаянія, какъ—будто ты и въ-самомъ-дѣлѣ сдѣлалъ какое-нибудь преступленіе.

ОРЕЛИНЪ. Преступленіе?.. Ты говоришь—преступленіе? Да, ты не ошибаешься, я точно совершилъ преступленіе!

АКСАМИТИНЪ. Орелинъ!.. Другъ мой!.. Ты забываешься!

ОРЕЛИНЪ. Нѣтъ! нѣтъ! я помню!.. я все очень хорошо помню!.. Я точно преступникъ! Ты правъ: на душѣ у меня есть тяжелый грѣхъ!.. Онъ душитъ, давитъ меня!.. Добрый мой другъ и товарищъ! Я виноватъ передъ тобою, передъ всѣми, кто любятъ меня!.. Я не достоинъ вашей дружбы! Я скрывалъ отъ васъ постыдный проступокъ!.. Больше десяти лѣтъ лежитъ онъ у меня камнемъ на сердцѣ!.. Самолюбіе не позволяло мнѣ сознаться въ немъ. Ты открылъ мнѣ глаза!.. Случай, или скорѣе, самъ Богъ, принуждаетъ меня все открыть тебѣ. Выслушай меня! Это признаніе, можетъ быть, облегчить, успокоить меня. Проступокъ мой непростителенъ. Ты давеча называлъ меня честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, знай—же, что ты ошибся, что уже болѣе двѣнадцати лѣтъ каждый изъ моихъ товарищей имѣетъ право назвать меня низкимъ и безчестнымъ.

АКСАМИТИНЪ. Орелинъ, ты слишкомъ строгъ къ самому себѣ. Къ чему преувеличивать какое-нибудь заблужденіе, шалость молодости.

ОРЕЛИНЪ. Ты слишкомъ снисходителенъ ко мнѣ. Неужели ты назывешь шалостью, заблужденіемъ то, что я, во время моего пребыванія въ деревнѣ дяди, обманулъ молодую дѣвушку, умную, милую, образованную; обѣщавъ жениться на ней и потомъ не возвращаясь къ ней ...

АКСАМИТИНЪ. Конечно, поступокъ твой дуренъ, необдуманъ, но можетъ быть вы оба увлеклись молодостью. Къ тому—же она сберегла

свою честь. Ты вѣрно хотѣлъ жениться на ней, но тебѣ помѣшали обстоятельства, семейство.

ОРЕЛИНЪ. Миѣ никто не мѣшалъ. Я могъ располагать моею судьбою и изъ одного пустаго самолюбія не хотѣлъ исполнить своего обѣщанія! Миѣ казалось низкимъ жениться на дочери управителя!..

АКСАМИТИНЪ. Дочери управителя? Такъ она была... А какъ звали ее?..

ОРЕЛИНЪ. Надеждой!..

АКСАМИТИНЪ. Надя! Боже мой! И что-же съ ней сдѣлалось послѣ твоего отъѣзда?

ОРЕЛИНЪ. Не знаю! Я оставилъ ее послѣ пяти мѣсяцевъ знакомства. Я уѣхалъ за границу, чтобы заглушить новыми впечатлѣніями голосъ совѣсти, испытать, дѣйствительно-ли я не могу жить безъ нее, безъ этой любви. Когда-же совѣсть побѣдила самолюбіе и я возвратился, прошло пять лѣтъ, отца ея уже не было въ деревнѣ, дочь вмѣстѣ съ нимъ пропала безъ вѣсти. Никто не зналъ, куда она дѣвалась! Я напрасно отыскивалъ ее. Послѣ уже узналъ я, что старшій управитель умеръ въ другомъ городѣ.

АКСАМИТИНЪ. О! какое подозрѣніе! Орелинъ! я долженъ сейчасъ-же убѣдиться въ этомъ! Подожди меня здѣсь немного! Я скоро ворочусь. Миѣ нужно видѣть моего управителя. (*Уходитъ*) Сейчасъ распрошу его обо всемъ, что касается до бѣдной Нади и велю отыскать ее (*уходитъ*).

ОРЕЛИНЪ. Нѣтъ, самое признаніе не облегчаетъ меня. Голова моя горитъ!.. Сердце ноетъ! О, неужели нѣтъ средства избавиться отъ этого мучительнаго положенія!..

VIII.

НАДЯ (*выходитъ изъ-за дому*). Какъ я устала! Легко-ли, съ которыхъ поръ работала!.. Теперь, слава Богу, кончено!.. Наши мужики только ровъ докопаютъ. Я подожду ихъ, и пойду вмѣстѣ съ ними въ деревню. А пока отдохну (*идетъ къ скамейкѣ, гдѣ сидитъ Орелинъ*).

ОРЕЛИНЪ (*вскакиваетъ, увидя ее*). А!.. Что это! Или совѣсть моя вызвала изъ могилы этотъ образъ, чтобы сильнѣе мучить меня?..

НАДЯ (*медленно приподымаясь со скамейки, на которую было съѣла*). Что этотъ господинъ такъ на меня смотритъ?.. Мнѣ кажется, я когда-то видѣла его; гдѣ только, не помню.

ОРЕЛИНЪ. Нѣтъ!.. не можетъ быть!.. Скажи мнѣ, кто ты... Кто вы такія?

НАДЯ (*кланяясь ему*). Управительская дочка, сударь!..

ОРЕЛИНЪ. Управительская дочка! А ... такъ и есть, Аксамитинъ говорилъ мнѣ, что у его управителя есть дочь... Это вѣрно она ... а я думалъ...

НАДЯ. Что онъ про себя бормочетъ!.. Глаза такіе страшные... Ужъ не сумасшедшій-ли онъ? Я уйду отсюда!.. Я боюсь сумасшедшихъ (*хочетъ уйти*).

ОРЕЛИНЪ. Вы ... вы ... ужъ уходите?

НАДЯ. Да-съ, пора домой, скоро всѣ наши пойдутъ въ деревню; работа кончена.

ОРЕЛИНЪ. А развѣ вы живете не здѣсь?

НАДЯ. Нѣтъ-съ, я живу у нашего деревенскаго священника, отца Ивана.

ОРЕЛИНЪ. По вашъ отецъ? развѣ онъ не здѣсь живетъ.

НАДЯ. Мой отецъ ... не знаю ... не помню!

ОРЕЛИНЪ. Что это значитъ? Но вѣдь вы... Васъ зовутъ Мальхень?

НАДЯ. Нѣтъ, меня зовутъ Надеждой.

ОРЕЛИНЪ. Надеждой! Господи! Такъ вы не дочь здѣшняго управителя Цвера?

НАДЯ (*забываясь*). Нѣтъ ... я ... я управительская дочка, я не дурочка, вы не вѣрьте имъ! Они злые люди, они все обижаютъ меня! Я ни въ чемъ не виновата (*хочетъ убраться*).

ОРЕЛИНЪ (*схватывая ее за руку*). Пойдите! ради Бога! Скажите мнѣ: умоляю васъ, кто вы?

НАДЯ. Я, я Надя! я васъ не знаю! Пустите меня. Что вы отъ меня хотите! Я боюсь васъ, вы такой страшный!..

ОРЕЛИНЪ. Одно слово, только одно, кто вашъ отецъ?

НАДЯ. Мой отецъ? развѣ у меня былъ отецъ? Да, былъ! Онъ лежалъ такой блѣдный въ томъ черномъ гробу... (*съ воплемъ*) О! не

хорошите его! погодите! Можетъ быть, онъ еще не умеръ! Съ кѣмъ-же я-то останусь? Одинъ уѣхалъ! другіе умерли! И мнѣ также надо умереть! Чтожъ я безъ нихъ буду дѣлать?..

ОРЕЛИНЪ. О, нѣтъ сомнѣнія! твоего отца звали Яковъ Петровичъ?

НАДЯ (*въ ужасѣ*). Молчи! молчи! ради Бога, молчи! Не говори никому! никому! меня узнаютъ... всё узнаютъ! И мое горе, и смерть... Я бѣжала, далеко бѣжала... мнѣ было стыдно смотрѣть на нихъ, тамъ всё знали, что я... что онъ бросилъ меня. Отецъ все молчалъ, только все плакалъ; не бранилъ меня, не корилъ меня, только всё плакалъ, да молчалъ... Ахъ, какъ онъ любилъ меня! а я забыла, какъ зовутъ его! Хорошо, что ты мнѣ напомнилъ! Я теперь буду все за Якова молиться.

ОРЕЛИНЪ. Господи, какое страшное наказаніе, несчастная сошла съ ума!

НАДЯ. И ты тоже повѣрилъ имъ! Я не сумасшедшая! Я управительская дочка! за что ты бранишь меня. Что я тебѣ сдѣлала?

ОРЕЛИНЪ. Надя! Надя! моя бѣдная! милая моя! Узнай меня, опомнись! Вглядишься въ меня. Это я, я, кто любилъ тебя, кто покинулъ тебя! но кто теперь на колѣнахъ ждетъ твоего прощенія, одного твоего взгляда, оди го слова. Я твой Петръ! твой Орелинъ!

НАДЯ (*съ воплемъ*). О! это онъ! спасите меня! (*Падаетъ безъ чувствъ*).

ОРЕЛИНЪ (*кладетъ ее на скамейку*). Она безъ чувствъ!.. кто тамъ?.. Помогите!

IX.

АКСАМИТИНЪ, ЦВЕРЪ изъ дому; **КРЕСТЬЯНКИ.**

АКСАМИТИНЪ. Что такое сдѣлалось! Орелинъ!.. Надя!..

ОРЕЛИНЪ. Другъ мой! Это она!... Помогни мнѣ привести ее въ чувства.

АКСАМИТИНЪ (*Цверу*). Адамъ Семенычъ! Воды, спирту, солей, скорѣй! (*Цверъ убѣгаетъ и потомъ вскорѣ возвращается; крестьян-*

янки окружаютъ Надю). Я почти былъ въ этомъ увѣренъ, и только что отдавалъ приказаніе сыскать ее. Ты случайно встрѣтился съ нею, но узнала-ли она тебя?

ОРЕЛИНЪ. Нѣтъ! я долго говорилъ съ нею! И только-что назвалъ себя, какъ она упала въ обморокъ. Какъ ужасно наказалъ меня Богъ! Она помѣшана.

АКСАМИТИНЪ. Къ-несчастію! Но сумасшествіе ея было тихое, не полное. Она не помнила только прошлаго. Неожиданная встрѣча съ тобою можетъ произвести переворотъ въ ея организмъ, имѣть счастливыя послѣдствія. Она приходитъ въ себя ...

ОРЕЛИНЪ. О, если Богъ возвратитъ ей разсудокъ!

НАДЯ (*открываетъ глаза*). Что со мной? Кто вокругъ меня? ахъ, это вы, добрые люди! Но гдѣ я? Какъ я очутилась здѣсь? Память моя стала какъ-то свѣтлѣе. Я теперь все могу припомнить; все, даже... о, лучше-бы мнѣ не вспоминать объ этомъ, (*увидя Орелина*). А вотъ онъ! ужасный человѣкъ! зачѣмъ я опять увидѣла его? (*закрываетъ лице*).

ОРЕЛИНЪ (*бросаясь къ ней*). Надя, Надя! простишь-ли ты меня?

НАДЯ (*отталкивая его*). Постойте, дайте мнѣ сказать нѣсколько словъ этимъ добрымъ людямъ, которые пріютили меня, больше двѣнадцати лѣтъ ухаживали за мной, какъ за родной сестрой. А знаете-ли вы, кого ласкали, добрые люди? Сегодня поутру я начала рассказывать сказку и теперь доскажу ее: посмотрите на этого человѣка. Онъ обманулъ меня, обѣщалъ жениться на мнѣ и уѣхалъ за границу, чтобы я не могла найти его. Погодите, это еще начало сказки.

ОРЕЛИНЪ. Надя, Надя еслибы ты видѣла въ эту минуту мое сердце, ты-бы простила меня!

НАДЯ (*не слушая его*). Отецъ мой былъ равенъ ему по званію и далъ мнѣ прекрасное воспитаніе; у него было только больше денегъ, и онъ уѣхалъ, сказавши, что отправляется все готовить къ нашей свадьбѣ. Я писала къ нему нѣсколько разъ, онъ не отвѣчалъ ни слова, Скоро я узнала, что онъ совсѣмъ уѣхалъ изъ Россіи. Видно ему стыдно было смотрѣть на русскихъ людей. Между ними нашлось-бы немного похожихъ на него! Я все поняла тогда, но я такъ любила его, что готова была простить ему все, если-бы онъ вернулся.

ОРЕЛИНЪ. Надя! клянусь тебѣ, что я самъ мучился не меньше тебя, въ борьбѣ съ моимъ самолюбіемъ! О! это ужасно! ужасно!

НАДЯ. Отець не упрекалъ. меня, Только въ одну ночь онъ по-старѣлъ десятиу годами. Не хотѣлъ онъ также, чтобъ деревня, въ которой тридцать лѣтъ всѣ знали его за челоуька честнаго и благороднаго, стала толковать о томъ, что отъ его дочери бѣжалъ женихъ. Онъ уѣхалъ со мной въ другой отдаленный городъ, гдѣ никто не зналъ насъ. Тамъ схоронили и моего отца, давно уже большаго отъ стыда и печали. Тогда Богъ сжалился надо мною: онъ отнял у меня память о прошедшемъ.

ОРЕЛИНЪ (*бросаясь на колѣна и схватывая ее за руку*). Надя! Еще разъ умоляю тебя: прости меня! Велико мое преступленіе, но я могу еще заглядить его; согласишься принять мою руку, быть моею женою; мое имя, состояніе, все принадлежитъ тебѣ.

АКСАМИТИНЪ. Хорошо!.. Это благородный поступокъ.

НАДЯ. Поздно, Петръ Васильевичъ! Прошедшаго ничѣмъ не воротишь: я-бы обманула себя и васъ, еслибъ приняла ваше предложеніе. Одинъ поступокъ молодости рѣшаетъ безвозвратно судьбу всей жизни. Двѣнадцать лѣтъ тоски, горя, нужды, несчастій, сумашествія,—нельзя позабыть. Кромѣ любви есть въ сердцѣ женщины и другія чувства. Я теперь уже не прежняя Надя; во мнѣ нѣтъ ни молодости, ни красоты, ни любви къ вамъ. Все вы убили; сердцу не жить дважды. Могу-ли я любить, какъ прежде, челоуька, который былъ причиною — смерти моего отца. Всѣ, что я могу сдѣлать, это только простить васъ, какъ христіанка, и не вспоминать объ васъ. Кто такъ много страдалъ, тотъ не можетъ чувствовать, какъ прежде. Если я и переживу этотъ тяжелый переворотъ, воскресну снова умомъ и тѣломъ, то чувства мои не воскреснутъ, всѣ они погасли въ душѣ моей, кромѣ одного: любви къ Богу. На землѣ нѣтъ для меня болѣе никакой радости. Я найду себѣ пріютъ въ тихой обители, гдѣ буду готовиться къ лучшей жизни.

ОРЕЛИНЪ. Неужели никакія просьбы и моленія не могутъ перемѣнить твоего рѣшенія? Неужели ты никогда не сжалишься надо мною?

НАДЯ. Время не всѣ раны залечиваетъ! Есть такія, которыя оно только растравляетъ. Можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ, я пріучусь смотрѣть на васъ, какъ на челоуька посторонняго, — вотъ все, что я могу обѣщать вамъ. Простимся лучше навсегда, Петръ Васильичъ.

ОРЕЛИНЪ. Но если я не переживу твоего отказа, если я убью себя?

НАДЯ. Я не пожалѣю о васъ. Въ жизни вашей, сдѣлавши мое несчастіе, вы можете еще заглядить его, составляя счастье другихъ. Смерть ваша ничего не искупитъ; она докажетъ только ваше малодушіе!

Жить иногда тяжелѣе, чѣмъ умереть! Прощайте—же! Простите и вы, друзья мои.

КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНКИ (*подходя поближе*). Надя, голубушка! ты оставляешь насъ?

НАДЯ. Я хочу вполне исполнить наше земное назначеніе: я любила, страдала и трудилась. Миѣ остается только одно — молиться.

(*Крестьяне схватываютъ ея руки и цѣлуютъ ихъ; она стоитъ посреди ихъ, поднявъ глаза къ небу. Орелинъ падаетъ на грудь Аксамитина.*)